

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПРОСЦЕВИЧУС Владислав Эдуардович

ББК: Ш400.2.

САМОРАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

10.01.01 — Русская литература
10.01.08 — Теория литературы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

1200,00
Работа выполнена на кафедре русской литературы Донецкого государственного университета.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: доктор филологических наук, профессор

В.В. ФЕДОРОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПОНЕНТЫ:

доктор филологических наук Н.В. КОСТЕНКО

доктор филологических наук Р.Н. ПОДДУЕНАЯ

УЧРЕЖДЕНИЕ: Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе

Защита состоится "29" ноября 1993 г. в "15" часов на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук (шифр К 068.06.04) при Донецком государственном университете по адресу: 340055, Донецк, ул. Университетская, 24, II этаж.

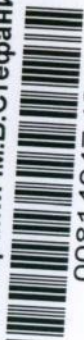
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке университета.

Автореферат разослан "29" ноября 1993 г.

УЧЁНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Н.А. ЛУЦЕНКО

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00814047 (0)

В-28,557

Актуальность темы и состояние разработки проблемы.

Методологический кризис, постигший в последние десятилетия естественно-научные дисциплины, в том числе и их королеву - физику, парадоксальным образом реабилитировал "неточность" гуманитарного знания. Поле обобщенного обличения образует круг проблем, так или иначе относящихся к понятию "саморазвитие". Роль случая, необратимости, спонтанности исследуемых природных (в широком смысле слова) процессов перемещается в центр ученого испытания. Очень показательное суждение Ю.М.Лотмана, едва ли заслуживающего упрек в нелюбви к точности, доказуемости научного результата:

"Картина мира неслыханно усложняется, и искусствоведение, культуроведение, да и наука о человеке в целом из области научной периферии превращается в общенаучный методологический полигон. Происходит как бы рокировка: причинности, знаковые нам по механике и иллюстрируемые разворачиванием какой-либо одной доминирующей закономерности, исключая случайность из области научного рассмотрения или полностью оттесняющие ее в область статистики, претендовали на представительство структуры мира в целом, а "капризной" сфере индивидуального творчества милостиво отвоили уголок среди раритетов и монстров мировой кунсткамеры. Не скажется ли в скором времени, что привычные понятия закономерного окажутся, как и ньютоновская физика, частным случаем, а то, что казалось периферией, раскроется как универсальный структурный принцип?"^I

В надежде увидеть "периферию" универсальным структурным принципом сказывается застарелый комплекс неполноценности

^I Лотман Ю.М. Ключи на распутье // Наше наследие. - 1988. - № 1. - С. 3.

массового, так сказать, гуманитарного мышления. Если прежде стремление к тотальной формализации мирно уживалось с декларативными сентенциями о "живосущественности" искусства как главной его особенности, то сейчас вполне реальна действительная рокировка – самозаконность как структурный принцип вытеснит точное гуманитарное суждение в сферу сугубого неблагоприятия. И все же в мысли Ю.М.Лотмана глубоко и верно, на наш взгляд, схвачена основная тенденция нынешнего методологического распутия. Сейчас, как никогда, потребны осознанные теоретические усилия, направленные на четкое выделение "предмета" гуманитарного познания и овладение им. Главная трудность на этом пути состоит в том, чтобы избежать гипостазирования иррационального, столь часто и жестко подавлявшегося во имя "научности", что теперь приходится считаться с возможностью суперреванша.

Задача состоит в овладении методологией "расширенной рациональности" (М.К.Мамардашвили). Естественно поэтому, что многие категории, в частности, литературоведения, нуждаются в переосмыслении. Едва ли будет преувеличением сказать, что саморазвитие среди этих категорий – одна из основных.

До сих пор присутствие представления о саморазвитии в научных текстах сводилось к признанию несомненной значимости этого понятия на фоне совершенно нерасчлененного, по преимуществу метафорического его описания – если описание вообще имело место. Наиболее часто в той или иной связи к саморазвитию апеллируют представители "органической" школы. Сориентированные в такой перспективе исследования, как правило, атрибутируют литературному произведению саморазвитие постольку, поскольку представляют произведение как организм, органичес-

кую целостность, а саморазвитие – его естественной функцией. Такой подход полуавтоматически снимает с исследователя обязанность специально трактовать саморазвитие, относя его источник в пределы, принципиально недостижимые для ученого сознания.

Несколько по-иному рассматривает саморазвитие психология творчества, частно-литературоведческим ответвлением которой является изучение "творческой истории" (термин Н.К. Пиксанова) литературного произведения. Эмпирический материал для исследователей этого направления представляют многочисленные признания писателей в неспособности совладать с собственным творением, с капризами персонажей и проч. Методологическая ошибочность изучения "творческой истории" заключается, с нашей точки зрения, в том, что все привлекаемые для исследования и выводов факты интерпретируются в "светлом поле" авторского сознания: выстраивается по возможности непротиворечивая цепочка его – автора – "действий" и поправок к действиям, объясняемых, как правило, целями улучшения, исправления изначально неопределенного "замысла". Между тем, ясно, что такого рода интерпретация нерелевантна понятию "саморазвитие", поскольку последнее, по определению, осуществляется, помимо прочего, и "посредством" автора.

Одна из последних публикаций, относящаяся к поставленной в диссертации проблеме, вполне отчетливо воплощает современный уровень "учета" саморазвития в литературоведческой практике. Автор, Е.Д. Тмарченко, вводя термин "факт бытия" (легко подпадающий аналогии с термином "саморазвитие"), пишет: "Бытие ... в конечном счете и в целом не зависит в своей реальности не только от сознания, но и от действия человека"¹.

¹Тмарченко Е.Д. Факт бытия в реализме Пушкина//Контекст – 91. М.: Наука. – 1991. – С. 137.

Это - с одной стороны. С другой же: "Пушкину, конечно, была знакома идея факта (он два раза использовал этот термин). Как художник, он впервые на русской почве осознал историческую реальность, показал совокупность ее общественных и природных закономерностей... Пушкин сумел сочетать объективное видение факта с еще живыми народными идеалами бытийной гармонии"^I (подчеркнуто мной - В.П.).

Подводя итог, можно сказать, что современное состояние проблемы характеризуется некритическим сочетанием общенаучной методологической интуиции самостоятельной активности предмета исследования и традиционного литературоведческого видения автора как всеведущего устроителя произведения.

Концептуальная конкретизация категории "саморазвитие" представляется ключевым моментом в преодолении методологической двойственности.

Цель исследования. Основная цель представляемого к защите исследования заключается в литературоведческой спецификации общефилософского представления о саморазвитии. Задачи, вытекающие из такой постановки вопроса, сводятся к следующему:

- 1) выведение (исключение) исследуемого предмета - литературного произведения - из поля естественно-научных, в том числе психологических, аналогий;
- 2) как следствие, представление произведения в плане сознания как объективной идеальности;
- 3) переосмысление в указанной перспективе категориального статуса участников события произведения - автора, персонажа и читателя.

^IТамарченко Е.Д. Факт бытия в реализме Пушкина// Контекст-91. - М.: Наука. - 1991. - С.143.

Последняя задача двойка. С одной стороны, необходимо учитывать эмпирическую (биографическую, социальную и т.п.) определенность участников произведения, с другой же стороны, суть дела состоит в обнаружении и описании таких форм их эмпирически определенной (ограниченной) активности, которые указывают на (содержат "в себе") акты самодеятельности, саморазвития произведения. Иначе говоря, необходимо увидеть психологическую реальность в онтологическом ракурсе: "Сознание - это не психический процесс в классическом психофизиологическом смысле слова. Но очень важно иметь в виду, что любой психический процесс может быть представлен как в объективном плане, так и в плане сознания"¹.

Предмет исследования. "Материалом" для исследования послужил цикл повестей А.С.Пушкина "Повести покойного Ивана Петровича Белкина". Выбор именно этого произведения обусловлен рядом историко-литературных обстоятельств; прежде всего, конечно, масштабом творческой индивидуальности Пушкина, необычайно чуткого к "сопротивлению материала". Кроме того, история создания "Повестей Белкина" содержит достаточно убедительные свидетельства о том, что окончательный вид это произведение приняло в воображении автора далеко не сразу: в частности, есть серьезные основания полагать, что образ подставного автора явился Пушкину лишь по написании нескольких повестей.

Все это делает исследование текста "Повестей..." весьма плодотворным в интересующей нас перспективе.

Методологической основой работы служит философская парадигма, так или иначе включающая в себя представление об

¹Мамарлашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавалы)// Труды по знаковым системам. - Вып.5. - Тарту. - 1971. - С.355.

объективности идеального. Понятно, что перечень имен здесь может быть достаточно представительным. Укажем лишь, что непосредственное методологическое подспорье диссертант нашел в работах М.К.Мамарпашвили. Помимо прочего, это объясняется и особым интересом философа к духовным образованиям, по своим характеристикам весьма близким к эстетическому объекту.

Серьезным, в большинстве случаев определяющим, оказалось влияние фундаментальных работ М.М.Бахтина, а также В.В.Федорова, развившего некоторые идеи Бахтина в своей концепции "поэтического мира". Особенности художественного текста, которые позволяет обнаружить теоретический инструментарий, наработанный Бахтиным и его последователями, стимулируют при непосредственном приближении определенную - иногда существенную - переоценку некоторых составляющих этого же инструментария. В частности, в диссертации присутствует весьма значимое, с нашей точки зрения, расхождение со взглядами Бахтина на статус автора.

Научная новизна исследования. Традиционный - представленный разнообразными модификациями - подход к анализу литературного произведения в основе своей имеет тенденцию к максимально возможному совпадению "смысла", вложенного в произведение писателем, и смысла, извлекаемого интерпретатором. (Возможны, конечно, варианты, когда "содержание" автора вписывается, например, в психоаналитический контекст).

Существенным - в этом отношении - отличием предлагаемого исследования является перенос внимания на пространство несовпадения автора, персонажа и читателя. В диссертации применена методика "вычитания" участников произведения из последнего. "Цели" автора, персонажа и читателя описываются не посред-

ством встраивания их наличных, подающихся рефлексии содержания в разнообразные контексты, рефлексии недоступные, но путем обнаружения пространства внутреннего самонесовпадения, сопряженного несовпадению межличностному. В связи с этим обращается внимание - впервые, пожалуй, - на специфику литературного общения Нового времени, когда автору известно окончание его произведения, а читателю - нет. Легко видеть, что, скажем, зритель древнегреческой трагедии или читатель средневековых житий находился в иной ситуации.

Действенность пустого факта несовпадения и определяется диссертантом как саморазвитие.

Практическое значение работы связано с возможностью разработки и внедрения спецкурса по соответствующей проблематике на старших курсах филологических факультетов университетов. Положения, обосновываемые в диссертации, могут, с нашей точки зрения, оказать существенную теоретическую и методическую помощь преподавателям вузов при изучении прозы Пушкина в курсе истории русской литературы, тем более, что серьезный научный интерес к этой части наследия поэта сейчас вновь набирает силу.

Апробация исследования. Основные положения исследования "Саморазвитие литературного произведения", предлагаемого к защите в качестве диссертации, излагались и обсуждались на заседании кафедры истории русской литературы филологического факультета Донецкого государственного университета (1993), на конференции в Санкт-Петербургском педагогическом университете, посвященной творчеству М.М.Бахтина (1991), на научно-практических конференциях в ДонГУ (1991, 1992, 1993).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

Первая глава.

"Анализ "Гробовщика", состоит из четырех параграфов.

В параграфе первом "Точка зрения и контекст" на примере стихотворения М.Ю.Лермонтова "Они любили друг друга так долго и нежно..." введены некоторые опорные для диссертации понятия.

Анализ лермонтовского шелевра позволяет вскрыть принципиальное неединство авторской позиции – точки зрения Два контекста, в которых происходит событие стихотворения, "требует" двух точек зрения, принципиально друг другу внеположных. Однако, факт существования стихотворения приводит к выводу, что "точка зрения" и "контекст" суть не эмпирически оформленности и не теоретические абстракции, но порождения некой самостоятельной активности, не привязанной ни к какой телеологической основе.

Второй параграф – "Автор" – содержит анализ черновых вариантов и окончательного текста повести "Гробовщик", хронологически первой в цикле "Повести ... Белкина". Анализ показывает, что в тексте можно выделить, по меньшей мере, три "задания", последовательно осуществляемых автором (действительное количество таких заданий не имеет значения в интересующем нас аспекте). Возникает вопрос о последовательности – одновременности выполнения заданий. С точки зрения диссертанта, нет оснований говорить об одновременном сознательном проведении автором всех заданий – контекстов, но представляется очевидным, что, осуществляя одно из них, автор движет, длит и все остальные. "Чисто" формальное действие – устранение повтора, например, – может в иной перспективе быть помыслено как событие внутренней жизни персонажа.

Таким образом, единая плоть текста – слово – выпускает в себя и питает любой мало-мальски осмысленный контекст. В каж-

дый момент автор движим одним контекстом, оперирует в одной связности. Например, подбирая рифму, поэт не может одновременно держать в уме содержательные связи стихотворения, и лишь полюбрав — оценивает ее с этой точки зрения^I. Двигаясь в письме, он так или иначе перемещается из контекста в контекст, причем некоторые из них могут при этом вовсе исчезать из поля зрения или принимать иную направленность (в "Гробовщике", к примеру, устранение повторов переходит в их утверждение). Автор не в состоянии "организовать" взаимоотношения ясных ему и скрытых от него формальных и содержательных связей. Доказательство невозможности с точностью указать, где автор действует сознательно, а где порождает нечто им непредусмотренное, есть, собственно, "вычитание" автора (традиционного) из произведения. И это указывало бы на его "смерть" (в бартовском смысле), если бы не его способность действовать в пространстве перехода, быть в этом внегновенном зазоре.

Третий параграф называется "Читатель". В этом параграфе рассмотрены некоторые особенности строения повести "Гробовщик" и обусловленная ими специфика читательского поведения.

Центральным, кульминационным — с точки зрения восприятия — является незаметный, "сглаженный" переход от яви к ону, что отмечено едва ли не всеми исследователями повести. Мы обращаем внимание на то обстоятельство, что читатель в определенном месте повествования вынужден переоценить свое восприятие (именно — когда узнает, что визит мертвецов снился Адриану).

^I Речь выталкивает поэта в те сферы, приблизиться к которым он был бы иначе не в состоянии, независимо от степени душевной, психической концентрации, на которую он может быть способен вне стихописания". Бродский И.А. Форма времени. — Т.2. — Минск: Эридан. — 1992. — С.402.

Ясно, однако, что повторное, "правильное" чтение вбирает в себя уже иную повесть. Читатель, таким образом, сориентирован на невозможное воспоминание. Иными словами, в нем обнаруживается пространство, соприродное пространству существования повести как порождения спонтанной активности, описываемого в обычном языке не иначе, как с помощью паралоксальных определений, которые невозможно вывести из логически связанного контекста. С другой стороны, ясно, что возможность попадания в это пространство читателю обеспечивает автор, намеренно - в случае "Гробовщика" - "упрятавший" лъв в сон. Отсюда следует важное заключение: достоверному обнаружению поддается только область несовпадения автора и читателя, поскольку автор, реализующий свое "опережающее" ведение в некотором месте точно оказывается действующим в ином контексте, нежели читатель. И факт этого несовпадения решающим образом определяет творческое повеление обоих.

В четвертом параграфе - "Граница и контекст" - конкретизируются, поскольку это возможно, характеристики описанных выше взаимоотношений автора и читателя в перспективе от персонажа.

Реплика мертвеца Курилкина, приветствующего гробовщика и напоминающего тому о первой его нечестной сделке, рассматривается как принципиально отличная от многочисленных в мировой литературе прецедентов общения живых с загробным миром.

Реплика Курилкина невозможна - в смысле отнесения к какому бы то ни было умопостигаемому контексту - потому, что ни между ним и гробовщиком, ни в "нем самом" нет границ между живым и мертвым. (Каковая всегда имеет место в самом фантастическом повествовании). Слова Курилкина звучат в "обратной"

перспективе, смерть в его высказывании предшествует жизни. Граница между жизнью и смертью снимается (не пересекается!) обращением Курилкина к Адриану. Что очень важно: возможность этой невозможной реплики обусловлена для автора актуальностью пустого факта несовпадения. "Обманув" в одном месте читателя, автор в другом месте "обманывается" сам. Собственная активность произведения как события автора, персонажа и читателя представляет их в двух соотносящихся "сквозь" пространство несовпадения ипостасях, производных от единства, самым полноточным обозначением для которого может служить термин "целое"; активно вводимый в научный оборот В.В.Федоровым¹.

Вторая глава диссертации, "Целое цикла и перспектива повествования", состоит из пяти параграфов. В первом из них, который озаглавлен "Персонаж-рассказчик", приведен анализ второй по порядку написания повести цикла "Станционный смотритель".

Своеобразная позиция рассказчика в этой повести позволяет наглядно проиллюстрировать тезис о внутреннем самнесовпадении участника произведения, проанализировать непосредственное участие события рассказывания в рассказываемом событии (термины М.М.Бахтина) и наоборот. Временная дистанция, разделяющая две ипостаси титулярного советника А.Г.Н., оказывается непроницаемой, невозстанавливаемой, и, тем не менее, именно это обстоятельство решающим образом влияет на развитие событий фабульного ряда. Ситуация "невозможного" рассказчика реализует в этой повести обратную перспективу, в которой главные события в жизни героев (побег Дуни, раньше - беспечность смотрителя) предстают как необъяснимые, странные. Преслову-

¹ См.: Федоров В.В. О природе поэтической реальности. - М.: Сов. писатель. - 1984.

тая пушкинская точность сказывается здесь не в особой сверхпроницательности и умении все объяснить, но в умении "мыслить" в обратной перспективе, внеграничном контексте.

Во втором параграфе "Формальный прием как этическое поступление" анализируется повесть "Выстрел".

Истории создания повести, первоначально состоявшей из одной части, а затем обретшей продолжение, дает интересный фактический материал. В частности, эпизод с поручиком из I-ой части, трактуемый нередко как формальный, мотивировочный эпизод, по мнению Н.К.Гей является ключевым для повести в целом. Именно в этот момент, отказываясь от дуэли с поручиком, Сильвио, полагает ученый, делает первый, неосознанный шаг к "истинным ценностям". Такой вывод вполне правомерен, если иметь в виду окончательный текст повести. Однако бесспорен факт, что обсуждаемый эпизод был и в первоначальном варианте, когда повесть не имела двухчастного членения. Обрамленность этого эпизода двумя взаимоисключающими моментами - *Jch-Erzählung* и помета "Окончание потеряно" - дает основания полагать, что эпизод с поручиком, действительно, был мотивировочным, но стал ключевым, и именно это превращение вызвало к жизни продолжение повести.

Теоретический вывод из изложенного таков: поскольку персонаж не имеет другого тела жизни, кроме авторского слова, последнее даже в самых незначительных своих, чисто формальных моментах осуществляет жизнь персонажа, и автор иногда лишь *aposteriori* может узнать об этом. Здесь встает вопрос о правомерности, возможности представлять персонаж как самостоятельного участника события произведения.

Следующие два параграфа посвящены рассмотрению именно этой проблемы.

В третьем параграфе, "Активность персонажа", внимание автора исследования сосредоточено на природе персонажа. (Едва ли будет преувеличением сказать, что это одна из наименее разработанных категорий литературоведения). Смысл повести "Барышня-крестьянка" традиционно сводится к той или иной форме высвобождения "истинного из-под наносного" (Н.Петрунина). Истинным в данном случае выступает чувство Лизы и Алексея, а наносным - сословные предрассудки. Внимательный взгляд обнаруживает, однако, что взаимный интерес молодых людей возникает именно благодаря сословному фону, на котором каждый из героев выглядит в глазах другого странным, необычным. Вымышленный Лизой персонаж - Акулина - обретает в силу такого положения статус, так сказать, реального существования. Её, Акулины, присутствие в повествовании позволяет увидеть персонажную суть героев повести, прежде всего, Лизы и Алексея. Например, некоторые "мысли" и "чувства", приписываемые автором героям, невозможно им приписать, если держаться их психологической, социальной определенности. Внутреннее пространство, "скрепляющее" героиню ипостаси, мы и называем "персонажем". Поэтическое событие представляется не как победа "жизни" над "сословными предрассудками", что может иметь смысл на героиню уровне, но как взаимоотношения персонажей, возникающих между героями и внутри них.

В четвертом параграфе ("Позиция рассказчика") на примере "Метели" эти положения конкретизируются. Здесь события разворачиваются, опять же, не в борьбе "романтического" и "родового", патриархального, борьбе, имеющей завершиться победой одного из начал, но между соответствующими контекстами. Герои воспринимают друг друга и собственные поступки в пространстве

несовпадения. Это несоответствие не является результатом определённым образом озадаченной рефлексии, но, наоборот, определяет движение рефлексии, действует изнутри неё. В повести "Метель" роль случая выдвигается, вроде бы, на первый план — метель, закружившая несчастного Владимира, решает судьбы героев. Однако нетрудно заметить, что и мотив личной ответственности набирает в этой повести полную силу. Взаимосвязь этих обстоятельств следует искать, с нашей точки зрения, не на внешнем, фабульном уровне, относя конечную причину, как водится, к ведению автора, но в соприродности персонажа (как внутреннего пространства между героями), автора и читателя (несоответствие которых порождает их внутреннее же несоответствие). В этом общем для участников произведения пространстве мысль героя (автора или читателя) может служить непосредственной причиной стихийного бедствия, а финальное благополучие — начального несчастья. Это пространство — точнее, внепространство — организовано в обратной временной перспективе: точнее, опять-таки, во вневременной. Конкретно-словесным воплощением этой перспективы является фигура Белкина, рассмотрению которой посвящен последний, пятый параграф второй главы. В нем дан краткий обзор существующих в научной литературе трактовок образа Белкина, подставного автора повестей. Главная, если можно так выразиться, антиномия большинства трактовок в том, что признание значимости образа Белкина (иногда — принципиальной, первостепенной), утверждения, что "без Белкина" невозможно понять повести, сочетается с практикой анализа отдельных повестей именно без Белкина.

Наша точка зрения состоит в следующем. Появление Белкина — следствие оформления обратной перспективы, важнейшего фактора организации повествования, по всей видимости, лишь постепенно входившего в "светлое поле" авторского сознания: об этом свидетельствует настойчивый поиск адекватной позиции рассказывания ("Стационарный смотритель", "Выстрел"). В известном смысле, само название цикла — "Повести покойного Ивана Петровича Белкина" — есть своеобразный итог и этих поисков, и цикла в целом. Сочетание "Повести покойного..." воспринимается обычно в "естественной", прямой перспективе (поэтому, вероятно, заглавие цикла приводят в сокращенном виде: "Повести Белкина"). В буквальном же прочтении оно фантастично — повести-то покойного! Таким образом, Белкин оформляет, опять-таки, несоответствие "автора" с самим собой,

однородное его несовпадению с "промежуточными" повествователями (подполковником И.Л.П., девицей К.И.Т., приказчиком Б.В. и титулярным советником А.Г.Н.).

Заключение содержит обобщающие выводы.

Традиционные категории литературоведения "автор", "читатель" и персонаж" обозначают реальные эмпирически определённые субъекты, что затрудняет введение и описание такой категории, как саморазвитие, поскольку любая его трактовка — явно или скрыто — восходит, в конечном счёте, к типостазированию творческой активности одного из участников литературно-словесного творения.

Принципиально важным представляется перенесение теоретических акцентов из сферы совпадения наличных человеческих содержаний (методология интерпретации) в сферу их несовпадения между собой и, как следствие, сферу их несовпадения с самими собой.

Акт действительности несовпадения есть акт саморазвития произведения и, соответственно, каждого из участников, поскольку актуальность несовпадения ипостасей автора, читателя и персонажа не сводима к актуальности какого бы то ни было контекста, в который вполне может быть вписана, встроена каждая из этих ипостасей; стало быть, участник произведения не может быть помншен в этой перспективе как продукт, но только как продуцент.

Единоприродность межсубъектного и внутрисубъектного пространства обеспечивает связность, взаимообусловленность событий, обычно разнородных по ведомствам: "внешнего" и "внутреннего".

Творческое поступание как поступание в обратной перспективе внеграницно (внепрестранственно и внепрестранственно); это обстоятельство объясняет особую причинность поэтических событий.

Такой взгляд позволяет достаточно убедительно объяснить некоторые факты, неоднократно отмеченные литературоведами ("ошибки" автора, противоречия в повествовании, "своеволие" персонажей).

В историко-литературном отношении проведенное исследование дает основания для преодоления существующего до сих пор разрыва между практикой анализа отдельных повестей и обобщениями, связанными с уяснением роли Белкина.

Тот факт, что "Повести покойного Ивана Петровича Белкина" — это первое законченное произведение Пушкина в прозе, позволяет предположить, что достигнутые на основании их изучения результаты имеют особое значение для понимания "технологии" творческого процесса.

С нашей точки зрения, предложенное в диссертации решение проблемы саморазвития и конкретный анализ "Повестей Белкина" могут оказать существенное содействие будущим исследователям творчества Пушкина в целом и его прозы в особенности.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Методологическое содержание категории "саморазвитие" // Целостность литературного произведения и проблемы его анализа. - Донецк. - 1991. - С.31-39.

2. О двойных фабулах в "Повестях Белкина" // Тезисы докладов конференции "Целостность художественного произведения и проблемы его анализа" - Донецк. - 1992. - С.139-140.

3. О категориях "сюжет" и "фабула" в поэтике М.М.Бахтина // М.М.Бахтин и философия культуры XX века. - Ч.2. - Санкт-Петербург. - 1991. - С.95-99.

4. "Организм свободный" (рецензия на книгу С.Т.Ваймана "Гармонии таинственная власть..." - М.: Сов.писатель. - 1989 // Вопросы литературы. - № 9. - 1990. - С.245-251.

5. Становление эпического мира (в соавторстве с М.М.Гиришманом) // Гиришман М.М. Литературное произведение. Теория и практика анализа. - М.: Высшая школа. - 1991. - С.93-105.

6. Формальный прием как этическое поступание // Тезисы докладов Лузовской научной конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской работы: гуманитарные науки (Донецк, апрель 1993) - Донецк. - ДонГУ - 1993. - С.43.

Подп. в печать 28.04.92. Формат 60×84^{1/16}. Бумага *оверточная*. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 988. Усл. кр.-отт. 416. Уч.-изд. л. 130. Тираж 100 экз.
Заказ № 4-1804.

Донецкий государственный университет, 340055, Донецк, ул. Университетская, 24

ДМПП, 340050, Донецк, ул. Артема, 96

46421

AB 28.337

AB 28.337